

ДМИТРИЙ
ЗУРКОВ
ИГОРЬ
ЧЕРЕПНЕВ

СЛУЖУ ПРЕСТОЛУ
И ОТЕЧЕСТВУ

СЛУЖУ ПРЕСТОЛУ
И ОТЕЧЕСТВУ
ТРИУМВИРАТ
ВПЕРЕД, НА ЗАПАД!

Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445
З-94

Серия «БФ-коллекция»

Иллюстрация на обложке *Станислава Дудина*

*Выпуск произведения без разрешения издательства считается
противоправным и преследуется по закону*

**Зурков, Дмитрий Аркадьевич;
Черепнев, Игорь Аркадьевич**

З-94 Служу Престолу и Отечеству: Служу Престолу и Отечеству. Триумвират. Вперед, на Запад!: сборник / Дмитрий Зурков, Игорь Черепнев. — Москва: Издательство АСТ; Издательский дом «Ленинград», 2020. — 784 с. — (БФ-коллекция).

ISBN 978-5-17-119409-3

Место действия — Российская империя. Время — Первая мировая война.

Три человека, по прихоти Судьбы перенесённые из далёкого две тысячи первого, всё-таки встречаются. Для чего? Чтобы эта капризная дама поиграла с ними в кошки-мышки? Или чтобы исправить ошибку Истории и не дать стране сорваться в кровавый хаос? Ничего ещё не предопределено... Но триумвират попаданцев уже существует и действует. И пусть против них все: начиная от пресловутой мировой закулисы и банковских воротил, желающих урвать на халяву лакомые куски и превратить в ничью колонию огромную страну; армий, пытающихся вбить в пыль героев, осененных георгиевской лентой, и заканчивая революционерами всех мастей, жаждущими крови и разрушений... Хотя есть еще достаточно людей, для которых слово «Россия» — не пустой звук...

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-119409-3

© Дмитрий Зурков, 2020
© Игорь Черепнев, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

СЛУЖУ ПРЕСТОЛУ И ОТЕЧЕСТВУ

Авторы выражают искреннюю благодарность всем участникам форумов «*В Вихре Времен*» и «*Самиздат*», чья помощь сделала книгу именно такой, какая она есть, и лично:

Светлане Полозковой, Элеоноре и Грете Черепневым, Ольге Лащенко, Анатолию Спесивцеву, Владимиру Геллеру, Игорю Мармонтову, Виктору Дурову, Виталию Сергееву, Александру Колесникову, Владимиру Черменскому, Андрею Метелёву, Валерию Дубницкому.

Глава 1

Как ни надеялся, что общение с миром криминала закончилось, через неделю во время обеда меня отловил Котьяра и передал записку, накорябанную на замызанной бумажке: «Мил чиловекъ приходи вечером в трактиръ есть разговор». На вполне закономерный вопрос, откуда у него этот шедевр изящной словесности, Федор объяснил, что вполне легально и с моего личного дозволения сопровождал Ганну до бакалейной лавки и обратно. Пока она закупалась всем необходимым, отскочил на секундочку, а когда вернулся, возле любимой невесты терся какой-то приклатненный организм. На вежливый вопрос «Какого ... ему здесь надобно?» странный тип вдруг решил обидеться и, нагнувшись, стал тащить из-за голенища нож. Кот не стал дожидаться продолжения и, слегка хлопнув по спине ладонью, помог согнуться еще ниже и упасть на пол. Пока собеседник обнюхивал его сапоги и раздумывал насчет вставать или нет, Федор согнул выпавшую железяку подковой и, кинув рядом, объяснил владельцу, где и в каких случаях тот может теперь ею ковыряться.

— Тот придурок был одет, как мастеровой? Клинок без упора, ручка красная, чуть-чуть изогнутая?

— Ага, он самый. — Кот в ответ утвердительно кивает. — Так он эту записку потом и отдал.

Вот ведь, бедный Штакет, что-то ему не везет в последнее время.

Вечер перестает быть томным, становится все интересней и интересней. И кому же я там очень срочно понадобился? Вернее — кому, это я и так знаю, а вот — зачем?..

— Командир, он еще передал, что можешь в открытую с парой-тройкой человек прийти.

Ага, и еще «пятерку» во внешнее оцепление для подстраховки взять, из тех, кому место уже знакомо. Мало ли что там лихие ребятки надумали. И наверное, Валерия Антоновича в известность поставить...

Хоть господин капитан и сопротивлялся, сумел его уговорить, правда, масштабы пришлось немного поменять, брать не одну группу, а три, и добавить подвижный резерв на всякий случай. С мотивировкой типа — необходимо нарабатывать навыки боя в городе...

Внутри мы пошли вдвоем с Котяррой, Михалыч с остальными растворился в сумерках где-то поблизости, в пределах прямой видимости. На входе в «кабинет» стояли старые знакомые — небритый и Штакет. Первый выглядел по-прежнему невозмутимо, но угрозой от него уже не веяло. Второй, завидев нас, злобно ощерился, но никаких опрометчивых действий предпринимать не стал. Задержавшись на секунду возле него, негромко советую:

— Слышь, Штакет, ты бы пореже за железяки свои хватался, глядишь, и целее был бы. Кто мешал на КПП прийти и записку передать?.. И научись разговаривать спокойно — пригодится для здоровья.

В комнатке за столом сидит уже знакомый по первому посещению пахан, рядом еще двое, судя по повадкам, — такого же ранга.

— Мир дому сему, люди добрые, — вежливо здороваюсь. — По какой нужде звал, уважаемый?

Вор знакомо усмехается уголком рта, затем отвечает:

— И тебе поздорову, мил человек. И хлопцу твоему того ж... Не спужался прийти аль своих привел ешо? Скока

их щас здесь? И шо ж за люди такие у тебя, слова им не скажи, сразу в драку лезут?

— Достаточно, чтобы потом Комаровку заново отстраивать. А насчет драки — так это твой Штакет с его невесстой грубо разговаривал.

— Это та, што ль, которую Бенья в отступное требовал? Х-хе-х!..

Придерживаю набычившегося Федора, а то наломает дров... А также рук, ног и других удобных для этого частей тела.

— Ты ему вместо девчонки Штакетов нож покажи.

— Дык ведь тут вот какая закавыка... — притворно сокрушается собеседник. — Помер Бенья-то, Царствие ему Небесное. Вот как тогда поговорили, оклемался чуток, да и пошел себе по улице. В темноте-то ямку не рассмотрел, оступился и упал. Как раз на ентый ножик.

Ага, как в том анекдоте — восемнадцать раз. И не царствие ему, а сковородку погорячее и черта пошустрее и посообразительнее.

— Что ж он так неосторожно? Я бы сам с ним еще разок побеседовал бы. Есть о чем.

— Да вот, не любят у нас таких, которые в три горла жрут и благо воровское по своим нычкам прячут. Не люди то, а крысы помойные... Ну, будет, лясы точить долго можно. — Старик замолкает, переглядывается со своими компаньонами, затем продолжает: — Звал я тебя, мил человек, потому как ты не лягавый, хоть и погоны носишь, нам с тобой по закону толковать можно. Бенья перед смертью много чего интересного напел, да и жидовка эта старая недолго молчала, все его слова подтвердила, когда мы тут шмон устроили... Короче, глянь-ка вот. — На стол ложится тетрадка в засаленной обложке. — Ежели что непонятно будет, толмача, я чай, найдешь. А может, и мы ентова толмача тебе отдадим. Но при одном условии...

Жду продолжения монолога, вопросительно подняв брови. Что такого может быть в этой тетрадке и не развод ли это со стороны воровского мира?..

Пахан тем временем продолжает:

— В общем, ентая парочка не токмо нашим ремеслом промышляла. Гости к ним частенько приходили оттудова. — Старик показывает большим пальцем себе за спину. — И дела они крутили такие, што нам за них отдуваться не в цвет. Тута, в тетрадке, у них навроде книги бухгалтерской.

— Короче, офицерик, дай слово, што наших людишек не тронете и лягавых не пристегнете... — вступает в разговор один из молчащих «компаньонов». — Толковище у нас было, решили энтих германских сук вам отдать. Тута дела военные, шпиёнские, наше дело — сторона.

О как! Блатной люд решил купить свое спокойствие жизнями шпионов. Только вот интересно, каких?..

— Во-первых, я тебе — не «офицерик», обидеться могу сильно, имей в виду. — Пора показывать клыки, а то по-хорошему как-то не понимают. — Во-вторых, кто ты есть, чтобы я тебе свое слово давал? Я тебя не знаю.

Багровея, собеседник лезет из-за стола, но пахан его удерживает.

— Погодь, Хорь, не кипишись. С ихним благородием вежливо надоть, оне енто любяць... А ты, мил человек, тож соображай, не шпана какая перед тобой. Коль нужна тебе ниточка к германским шпиёнам, так давай по-хорошему договариваться.

— По-хорошему может быть только так: отдаете мне энтих шпионов и то, что смогли узнать. Жандармов и полицию все равно придется подключать, но вот здесь даю слово, что вас им сдавать не буду... И еще, если на какую малину выйдем, где германских агентов привечают, — не обижайтесь, под молотки пойдут все.

— Ох и грозный ты, вашбродь! — насмешливо откликается третий вор, затем серьезнеет. — Мы за себя и своих

людей говорим. А ежели кто попадется тебе, значит не наш он, хоть режь его на ремешки, дело твое. Мы в обиде не будем.

Ну да, ну да, заодно расширите себе зоны влияния, убрав с нашей помощью конкурентов. Молодцы, хорошо придумали... Ладно, пусть их.

— Ну, если мои условия вам подходят, будем считать, что договорились. — Пора заканчивать балаган и двигать к себе.

— А насчет жирных бобров и шалав ихних... Взяли пару раз хабар с них. На то рыжье местным шалавам да грызунам долго корячиться надо было бы... — Старик довольно рассмеялся. Эта плесень что, меня теперь за наводчика держит?.. Козлина старый, тебе ж в ящик сыграть тоже недолго!..

— Ну, коль все согласные, бери тетрадку, щас Рахильку приведут, ее тож забирай, она много еще чего интересного напоеет. И скатертью дорога вам, гости дорогие!

Наверное, за занавеской наш разговор слушали, потому что бандерша уже стояла возле двери со связанными руками в сопровождении еще одного «бодигарда». Пахан вышел из кабинета, кивнул своим, мол, отдайте бабу. Я уже был на пороге, когда он негромко произнес:

— Короче, мил человек, где тебя найти — я знаю. Коль во мне нужда будет, зайди на базарчик на Ляховке, любому шнырю скажи, мол, Клеща ищущу. Тебя проведут. Бывай покедова...

Тесной компанией мы прошли четыре квартала и остановились перед родным грузовичком, в кабине которого изнывал от нетерпения капитан Бойко.

— Ну, что? О чем была беседа, Денис Анатольевич? Все закончилось благополучно, я надеюсь? В том смысле, что ваши собеседники живы?

— Да, Валерий Антонович. Прежде чем рассказывать, прошу вас учесть — я дал им слово, что источники оста-

нутя неизвестными. Стало быть, дальше нас с вами подробная информация пойти не должна.

Бойко медлит с ответом несколько секунд, потом, соглашаясь, кивает.

— Блатные сдали нам кончик шпионской цепочки в обмен на свою неприкосновенность, и, как я думаю, стремясь нашими руками расширить свои «владения». — Поясняю, видя недоуменный взгляд Валерия Антоновича. — Если мы прихватим других уголовников вместе с агентами, те, с которыми я беседовал, постараются занять их место... Вот, «мамочка» Рахиль, старая знакомая. За нее, как за ниточку, потянем, узелок развяжется и клубочек размотается. И есть еще тетрадка, которую она поможет нам прочитать...

* * *

Утром ни свет ни заря капитан Бойко, осунувшийся и красноглазый после бессонной ночи, проведенной в попытках самостоятельно прочитать тарабарщину в тетради, вместе с поручиком Ломовым, который, как только сейчас выяснилось, помимо всего прочего отвечал еще и за контрразведку, появились, чтобы пообщаться с «мамочкой», которую на ночь доставили к нам и поместили под охраной в одной из пустующих казарм. Не думаю, чтобы для нее ночь была комфортной, потому как в сортир ее выводить никто и не думал, да и спать со связанными руками — то еще удовольствие. Тем более что, судя по ее походке, ребяташки Клещи неплохо поработали, не оставив, правда, явных следов воздействия на мордочке. Скорее всего, не из гуманности, а для сохранения товарного вида.

Но, несмотря на все недавние переживания и не совсем опрятный внешний вид, дамочка встретила наше появление довольно напористо и в лучших традициях российского либерализма стала качать права:

— Таки, господа офицеры, почему ви мне тута держали усю ночь? Ви миня похитили? Ви поверили етому старому шлимазлу Клещу, шо я могу быть как-нибудь виноватая? Да ни Боже ж мой! Как ви могли так подумать про честную женщину? Если ви так думаете, развяжите мне руки, отвезите в околоток, и пусть тама они проведут следствие, и таки усе станет понятно!

Вся эта скороговорка была выпалена со скоростью пулемета так, что только в конце, когда она сделала микроскопическую паузу, чтобы набрать относительно свежую порцию воздуха в легкие, мне удалось миролюбиво и вежливо дать ей дружеский совет:

— Рот закрой!..

Затем капитан Бойко, вежливо улыбаясь, начинает беседу:

— Видите ли... мадам, мы, конечно, можем передать вас в руки полиции, и пусть они дальше возятся с этим делом. Но одновременно в той же «Минской копейке» появится статейка о том, как честная подданная Российской империи имярек помогла поймать шайку жестоких уголовников, грабившую и убивавшую ни в чем не повинных мирных обывателей... Интересно, как быстро после этого ваши дружки вас найдут?..

Тут же на контрасте с вышесказанным ору:

— Слушай сюда внимательно, старая сволочь!

Видно, интонация была подобрана правильно, бандерша беззвучно, как рыба, пару раз шлепнула губами, затем попыталась зафиксировать свои испуганно бегающие глазки на моей персоне.

— Я сейчас буду предсказывать твою судьбу. Варианта с полицией там нет и не будет. Зато есть два других. Первый — ты рассказываешь абсолютно все и, когда надобность в тебе отпадает, едешь в Сибирь убирать снег. Там его много, на несколько лет ударного труда тебе хватит. Второй — ты опять-таки рассказываешь все, что знаешь

и о чем догадываешься, но сначала будет очень больно, потом — ужасно больно. А потом то, что от тебя останется, закопаем где-нибудь неподалеку. Без надгробия. Выбирай!..

Перед приходом сюда предложил Бойко и Ломову поиграть в старую, на мой взгляд, игру «добрый — злой». И теперь стараюсь соответствовать выбранному сценическому образу. Ну-с, начнем, первая часть Марлезонского балета... Открываю дверь и зову заранее проинструктированного казака:

— Федотыч, братец, а всыпь-ка этой бабульке пару «горячих». За те Георгиевские кресты, что у нее нашли.

Сделав зверскую ухмылку и поигрывая нагайкой, приказный, не торопясь, подходит к пятящейся от него Рахили, затем молниеносно цепляет ее рукой за волосы, опрокидывает спиной вверх на пол и «крестит» сплеча двумя ударами... Вот это ультразвук!.. Как бы не оглохнуть с таких разговоров... Несколько секунд жду, пока болевое воздействие начинает ослабевать, затем стараюсь припечатать коленом свежий рубец, не давая шевельнуться, и, нагнувшись, нажимаю пальцем хорошо знакомую точку на шее, одновременно вопя почти в самое ухо с явно выраженными истеричными нотками:

— Будешь говорить, тварь?! Будешь или нет?! Или тебе спину разукрасить так, как вы Данилке это сделали, а?! Говори, сука!.. Я тебя на куски порежу!.. Я контуженный, психованный, мне ничего не будет!.. Да я тебя пристрелю сейчас!..

Наган уже в руке, выстрел бахает почти над самым ухом бандерши, потом, почти по Богомолу, сую дымящийся и пахнущий сгоревшим порохом ствол ей под нос и по-звериному рычу:

— Говори!!

Сзади раздается характерный звук, догоняемый таким же характерным запахом, одновременно начинается пока еще невнятный, но уже диалог:

— А-а-а!!.. А-ва-ва-а!!.. Я-а-а!.. Са-а!.. Са-а-а!.. Я-а-а ска-а-ажа!.. Ска-ажу-у-у!.. Усе ска-ажу!..

Встаю на ноги, Валерий Антонович хитро улыбается, а Петр Иванович, играя роль эдакого увальня, которым все это время талантливо притворялся, укоризненно говорит:

— Ну что вы опять, господин подпоручик. Ну нельзя же так. Вам после контузии вредно волноваться. А то снова кого-нибудь пристрелите. Надо же держать себя в руках... — И обращается к ополоумевшей от страха бандерше: — Вы, мадам, его лучше не злите, он легко из себя выходит... Давайте лучше пойдем в другую комнату, там стол со стульчиками есть, сядем спокойно, вы нам все расскажете, тетрадочку поможете прочитать... А то вон господин подпоручик опять сердиться начинает. Вставайте, пойдемте быстрее от греха подальше!..

Через пару минут ко мне на крыльцо выходит Валерий Антонович, чтобы составить компанию в перекуре.

— Все, поет птичка... А в вас, Денис Анатольевич, пропадает актер, талантливо сыграли, даже я на миг поверил!

Старушка, спустя некоторое время, снова попыталась хитрить, но после того, как, усевшись на подоконник, я стал демонстративно делать вид, что вычищаю ножом грязь из-под ногтей, решила не искушать судьбу и раскололась по самый копчик. В ходе «чистосердечного признания» мы узнали достаточно много интересного. И о том, как ее дэфочкам, как она говорила, ставилась задача во время «работы» выпытывать данные о частях, прибывших в Минск, и о том, насколько легко перейти линию фронта под видом беженца или сбежавшего из плена, но, самое главное, — она назвала адреса троих связанных с ней людей, занимавшихся тем же, используя профессию в качестве прикрытия. Так что сегодня нам предстоит найти приказчика галантерейного магазина купца Рассовского, точильщика ножей с Ляховского рынка, фотографа с За-